

Издательский проект
Института «Русская перспектива»

Протопресвитер
Иоанн Мейендорф

**Иисус Христос
в восточном православном
богословии**

Москва
Т8
2014

УДК 291

ББК 86.3

М41

Мейендорф И.

M41 Иисус Христос в восточном православном богословии / Иоан Мейендорф; [пер. с англ. свящ. Олега Давыденкова, при участии Л.А. Успенской]; прим. А.И. Сидорова — Подготовка макета Москва: Т8, 2014. — 318 с. — («Русская перспектива»)

ISBN 978-5-519-13114-8

Книга известного американского православного богослова посвящена одной из самых сложных проблем христианского богословия — вопросу о соединении божественной и человеческой природ в одной ипостаси Господа Иисуса Христа. На огромном историческом материале (V–XII вв.) автор исследует, каким образом утверждался Халкидонский догмат о богочеловечестве Иисуса Христа..

ISBN 978-5-519-13114-8

Предисловие к русскому изданию

Согласно Евангелию, Господь Иисус Христос, находясь уже на пути в Иерусалим, где Ему предстояли страдание и смерть, спросил учеников: «За кого вы Меня почитаете?» Апостол Петр ответил за всех: «Ты – Христос, Сын Бога живого» (Мф. 16:16).

Христианская вера не есть философское учение или идеология, существующие сами по себе, независимо от того, кто и когда их формулировал. Иисус Христос не есть просто основатель движения или творец системы: Он есть Тот, в Кого христиане веруют. Поэтому все зависит от того, Кто Он есть, и Его вопрос ученикам есть самый — по существу, единственный — ключевой вопрос христианской веры. А Петра, который «познал» Его, Христос не только «ублажил», но и создал на исповедании ученика Церковь Свою...

Действительно, если Христос — не Сын Божий, Его учение, Его смерть и Его воскресение могут почтаться всего лишь эпизодами, отчасти мифическими, каких бывало много в религиозной истории человечества. Если же Он действительно Тот, Кого исповедал апостол Петр, другие ученики и вся первоначальная Христианская община, то не только учение Его — учение божественное, но и действия Его — вольная смерть на кресте, воскресение и прославление — открывают нам Бога, как «любовь» к Людям и всей Твари, и, искупляя грех мира, открывают верующим путь в вечное Божие царство.

Потому что вопрос о том, Кто Он, так централен, о нем так много спорили в течение веков. Язык Евангелия и других книг Нового Завета, закрепивших веру апостолов, не раз подвергался анализу человеческого рассудка. Разные философские течения — преимуще-

ственno эллинизм — пытались истолковывать истину о Христе в своих категориях. Такие попытки были неизбежны. Христианство никогда не воспрещало своим последователям пользоваться разумом, потому что и разум сотворен Богом. Сами апостолы, в особенности Павел и Иоанн, прибегали, объясняя тайну Христа, к трудным философским понятиям. Начиная свое Евангелие словами «В начале было Слово...», евангелист Иоанн обращается к читателям, знающим учение о «Логосе», как оно выражалось в современных стоицизме и платонизме, и присваивает это понятие христианству в качестве самой основы своего благовестия.

Его примеру последовали отцы Церкви, которые в течение последующих веков были призваны учить своих современников истинам Евангелия, защищать его от лжеучений, выражать его так, чтобы люди понимали его смысл. Все они пользовались языком и понятиями своего времени, обогащая этим Священное Предание Церкви.

Настоящая книга посвящена в значительной мере спорам о Христе. Она не покрывает ни раннего периода, когда, при жизни апостолов, уже существовали разные интерпретации личности Христа, ни арианских споров четвертого века. Повествование начинается в пятом веке, когда соборный разум Церкви «родил» замечательный христологический «орос» (определение) Халкидонского собора (451). К несчастью, и это определение не позволило угасить разногласия. Оно и по сей день остается камнем преткновения, поскольку многие восточные христиане (армяне, сирийцы, копты, эфиопы) его не принимают...

Во все века богословские споры свидетельствуют о том, что Бог не насищает человеческой свободы. Христианский Восток, — как и все древнее христианство, включая ранний Запад, — особенно дорожит понятием общей церковной свободной ответственности за чистоту веры. Именно потому, что Восточное Христианство не пожелало отказаться от этой общей всем

Предисловие к русскому изданию

членам Церкви ответственности, оно не пошло за Римским папством, в лице которого был установлен видимый критерий истинности, освобождающий, в значительной мере, церковный народ как целое, т.е. иерархию и мирян, от тяжелой и трудной ответственности за веру.

Но история Церкви показывает, что свобода и ответственность стоят дорого. Для православного сознания изучение истории именно потому важно и дорого, что оно выявляет сложный процесс соотношения между Духом Истины, посланным Спасителем, чтобы «научить» Церковь, и человеческим восприятием Откровения, где односторонности и ошибки возникают постоянно даже среди тех, кто искренне стремится к Истине. Не следует забывать, что и заблудившиеся еретики часто обладали вполне благими намерениями, и что Церковь их осудила со скорбью и с надеждой на их исправление...

Но понятие Духа Святого в Церкви, а тем самым и вопрос об «истинности» православия или ереси, имеют смысл только для верующих членов Церкви. Для других, среди которых много весьма осведомленных ученых, догматические споры между христианами — это не более чем «история догматов».

Хотя светская, секуляризированная культура наших дней обыкновенно бывает закрытой к истинам веры и часто относится к тем, кто спорит о вере, с ироническим и самоуверенным снисхождением, нельзя отрицать и замечательных достижений современной исторической науки — тогда, когда она является подлинной, объективной наукой... Но наряду с такой подлинной наукой нередко встречается и неблагородная «гиперкритика», как, например, обвинение в мессалианстве, выдвинутое некоторыми западными учеными по адресу неизвестного автора «Бесед», приписываемых преп. Макарию Великому, которого Православное предание почитает как одного из наилучших выражителей духовного опыта Восточной Церкви. И все же православным историкам нет нужды отрицать

историческую критику вообще: она необходима, чтобы разобраться в огромном литературном наследии древней Церкви, отделить плевелы от пшеницы, выделить содержание самого Священного Предания, отличного от «преданий человеческих». Ведь и апостольская церковь выделила канонические книги Нового Завета из огромной массы «апокрифов», силою Духа Святого, но также и человеческим духом рассуждения...

Настоящая книга была первоначально написана для западных читателей — православных и неправославных — в годы, когда богословие было фактически недоступно русской аудитории за исключением узкого круга преподавателей и слушателей Духовных Академий.

Но вот мы дожили, наконец-то, до дней, когда двери Церкви открываются вновь для самого широкого русского общества. В этих условиях автор дерзает предложить русский перевод своего труда, первоначально изданного по-английски и по-французски, с надеждой, что и он поможет воссоздать в России утерянную было традицию богословского знания и творчества, без которых Церковь не может выполнять свое святое дело. В течение семидесяти лет эта традиция продолжалась только в православных богословских школах, созданных за границей, в Париже, а позднее в Нью-Йорке. Там предание и методы русской духовной школы блюлись очень бережно, и автор именно в них, через таких людей, как архимандрит Киприан (Керн), протоиерей Георгий Флоровский, профессор Антон Владимирович Карташев, протоиереи Николай Афанасьев и Александр Шмеман, обрел любовь к Церковной истории и патристике.

Обращаясь (иногда полемически) к западным источникам и литературе, тогда же работали и писали в Париже архиепископ Василий (Кривошеин) и Владимир Николаевич Лосский, а в Нью-Йорке — Георгий Петрович Федотов. Жалко, что всем им не было суждено дожить до возрождения свободной богословской мысли в России.

Предисловие к русскому изданию

Само собою разумеется, что эта книга во многом обязана и таким основополагающим дореволюционным русским трудам, как «Лекции» Василия Васильевича Болотова, и многочисленные монографии о лицах и событиях эпохи Вселенских Соборов. Особо значительна среди них — монография С.Л. Епифановича о преп. Максиме Исповеднике.

За помощь в подготовке данного текста к изданию приношу благодарность диакону Андрею Юрченко, а также особенно Алексею Ивановичу Сидорову, принявшим на себя кропотливый труд по научному редактированию и дополнениям. Без его труда книга, изданная на английском языке еще в 1969 г., была бы мало полезна современному русскому читателю. Я также искренне благодарен Алексею Ивановичу за его критические замечания в построчнике. Например, он не всегда соглашается с моей отрицательной оценкой Оригена и Евагрия и их влияния на некоторых авторов, рассматриваемых в этой книге. Оставаясь при своем мнении в этом вопросе, признаю необходимость дальнейшего изучения источников, а также богословского обсуждения как самой системы Оригена, так и ее исторических последствий.

Протопресвитер Иоанн Мейendorff

Предисловие ко второму изданию

Первоначально изданная в 1969 г. на французском (Edition du Se, Париж) и на английском (Corpus Books, Балтимор и Вашингтон, Д.С.), затем переведенная на итальянский (A.V.E., Рим), эта книга была частично пересмотрена, был добавлен ряд ссылок на новейшие исследования и публикации.

Однако автор не претендует на исчерпывающие сведения, и библиографические ссылки сокращены до минимума. Простой взгляд на Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich X.-Г. Бека (Мюнхен, 1959) дает представление о количестве второстепенных византийских авторов, о чьих воззрениях я не упомянул.

Эта книга предполагает, что читатель уже знаком с основными фактами светской и церковной истории поздней Римской и Византийской империй. Они доступно изложены в обычных справочных изданиях, таких как: Ж.Даниелу и Г.-И.Марру. Века христианства, I. Первые шесть столетий (1964) или А.Шмеман. Исторический путь Восточного Православия (1963). Написанная в оригинале по-французски, книга была переведена на английский Фр.Ивом Дюбуа.

Введение

«За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?» — на этот вопрос Иисуса ученикам на пути в Кесарию Филиппову Петр ответил: «Ты Христос, Сын Бога Живого» (Мф. 16,13–16). Однако ответ Петра понимался различно и не предотвратил позднейших расколов.

И действительно, споры о Лице Иисуса Христа, которые продолжались в течение первых веков христианской истории, не носили отвлеченного, академического характера. Ведь слова и деяния Иисуса имеют различную значимость и различную силу в зависимости от того, исходят ли они от обычновенного человека или от Второго Лица Божественной Троицы, рассматриваются ли они как простой эпизод человеческой истории или же как уникальные слова и дела Самого Господина Истории. Вопрос этот имеет громадное значение и для понимания того, Кто есть Бог Сам по Себе, открывается ли Он нам как бесстрастный Управитель мира, где добро и зло, радость и горе, жизнь и смерть представляют собой неизменные пары противоположностей, или, напротив, мы верим, что Он, восприняв условия человеческого существования, сделал их «своими собственными», был распят, как злодей, при Понтийском Пилате и воскрес в третий день, победив тем самым зло и смерть. Спасает ли Бог человека лишь передавая с небес Свои распоряжения, как Судья и Повелитель, или по Своей любви к человеку отождествляет Себя с ним и открывается нам как «живая любовь»? Споры о Лице Иисуса Христа породили различные подходы. Но может ли этот спор быть разрешен простой ссылкой на исторические данные? Конечно, нет, ибо исторические свидетельства об Иисусе не только «составляют» историю, но и

призывают преобразить историю, освободить человека от категорий и условий падшего мира. Их подлинное содержание и значение невозможно свести лишь к «историческим фактам», рассматриваемым с позиции «беспристрастного наблюдателя». Даже ближайшие ученики Иисуса поняли смысл Его служения только после того, как Дух научил их «всему».

Несомненно, знание Христа основано на опыте очевидцев. Но христианское Предание доверяет их свидетельствам только потому, что Святой Дух сделал их апостолами: именно Он научил их «всему» и сообщил им способность постигать истинное значение исторических событий, участниками которых они являлись. Свидетельства апостолов вовсе и не претендуют на тот род непогрешимости, в котором им отказывает рационалистическая критика. Вопрос не ставится так, что письменные свидетельства Марка, Луки или Матфея, взятые по отдельности или в их традиционной общей противопоставленности богословскому подходу Иоанна, содержат представление о Христе, предлагаемое нам Церковью как истинное. Скорее, наоборот, Новый Завет как единое целое соответствует представлению Церкви, имеющей сонм свидетелей и друг друга дополняющих богословов, признанных таковыми в соответствии с единым критерием Духа Святого, живущего в Церкви. Историко-критический подход может и должен применяться при исследовании апостольских свидетельств, однако необходимо принимать во внимание не только взгляды каждого из авторов новозаветных книг в отдельности, но целостное видение Нового Завета, который есть собрание взаимодополняющих свидетельств. Более того, новозаветное благовестие не может быть отделено от способов, какими оно провозглашалось в различные исторические эпохи и в контексте различных культур. Чтобы Новый Завет был понятен грекам, недостаточно было написать его на греческом языке: проповедникам приходилось пользоваться теми категориями, которые были привычны для их слушателей.